

Хафизова Алсу Александровна

**РАЗГОВОРНАЯ И СТИЛИСТИЧЕСКИ СНИЖЕННАЯ
ЛЕКСИКА В ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. МОЭМА
НА РУССКИЙ ЯЗЫК (В СОПОСТАВЛЕНИИ
С ФРАНЦУЗСКИМИ ПЕРЕВОДАМИ)**

**Специальность 10.02.01 – русский язык
10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Работа выполнена на кафедре сопоставительной филологии и межкультур-
ной коммуникации ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный
университет»

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Аминова Альмира Асхатовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Габдреева Наталия Викторовна
ГОУ ВПО «Казанский государственный
технический университет им. А.Н. Туполева»

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000582853

доктор филологических наук, профессор
Закамулина Миляуша Нурулловна
ГОУ ВПО «Казанский государственный
энергетический университет»

Ведущая организация: ФГОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

Защита состоится «24» февраля 2011 г. в 10 часов на заседании диссертаци-
онного совета Д 212.078.04 при ГОУ ВПО «Татарский государственный
гуманитарно-педагогический университет» по адресу: 420021, Республика
Татарстан, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Татарский
государственный гуманитарно-педагогический университет».

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ГОУ
ВПО «Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет»
«21» января 2011 г.

Режим доступа: <http://www.tggpu.ru>

Автореферат разослан «22» января 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Сафонова С.С.

Общая характеристика работы

Реферируемая работа посвящена анализу переводов разговорной и стилистически сниженной лексики, функционирующей в произведениях С. Мозма на русский язык в сопоставлении с французскими переводами.

Сопоставительные исследования в области разговорной лексики и фразеологии представляют собой одно из постоянно развивающихся направлений современной лингвистики. К настоящему времени в области сопоставительной стилистики накопилось значительное количество работ. Тем не менее поле для изучения этой области всегда остается, так как в центре внимания исследователя оказывается понятие нормы, которое в разных языковых традициях различно и исторически подвижно.

Актуальность темы. Творчество С. Мозма неоднократно привлекало внимание исследователей, оно рассматривалось и с лингвистических, и с литературоведческих позиций. Однако если достижения в изучении творчества писателя с литературоведческой точки зрения очевидны и бесспорны (можно считать вполне устоявшимися), то в изучении языка писателя еще недостаточно освещенных областей.

Особый интерес представляет разговорная и стилистически сниженная лексика и фразеология в произведениях С. Мозма. Используемая автором с большим искусством, стилистически маркированная лексика является одним из активных эмоционально-экспрессивных средств воздействия на читателя.

Особый интерес и определенные трудности вызывает перевод стилистически окрашенной лексики в силу своей национальной специфичности, семантического богатства, принадлежности к определенному стилю, эмоциональной насыщенности, поэтому изучение способов перевода разговорной и стилистически сниженной лексики на русский и французский языки также остается актуальным.

Объектом исследования является разговорная речь в произведениях С. Мозма и их переводах на русский и французский языки.

Предметом настоящего диссертационного исследования является разговорная и стилистически сниженная лексика в произведениях С. Мозма и их переводах на русский язык в сопоставлении с французскими переводами. Выбор в качестве предмета исследования разговорной лексики продиктован недостаточной изученностью данного пласта в трех языках, являющихся между собой неродственными (русский – английский) и отдаленно родственными (английский – французский).

Целью данной диссертационной работы является определение особенностей функционирования разговорных и стилистически сниженных лексем в произведениях С. Мозма и их эквивалентов в русском и французском языках.

Для достижения поставленной цели в диссертационном исследовании решаются следующие **задачи**:

- выявить разговорные и стилистически сниженные лексемы и фразеологические единицы в прозаических и драматургических произведениях С. Моэма;
- дать их функционально-стилистическую и эмоционально-экспрессивную характеристику;
- проанализировать специфику индивидуального стиля С. Моэма в аспекте использования разговорной и стилистически сниженной лексики;
- очертить сферу функционирования разговорных и стилистически сниженных лексем в художественном произведении;
- определить степень эквивалентности разговорных и стилистически сниженных лексических и фразеологических единиц, установить типы межъязыковых соответствий.

Методы исследования определены поставленными задачами. Сопоставительный анализ разговорной и стилистически сниженной лексики основывается на семантико-стилистическом, синхронно-сопоставительном методах, методе лингвистического описания художественного текста с привлечением элементов лингвокультурологического и этимологического анализа, компонентного (семного) анализа, а также методе фразеологической идентификации и фразеологического анализа А.В. Кунина.

Методологической основой работы стали исследования в области стилистики, сопоставительной стилистики, лексикологии, фразеологии и переводоведения.

Основополагающими послужили идеи, развитые и развиваемые И.Р. Гальпериным, С.С. Беркнером, В.А. Хомяковым, В.В. Виноградовым, О.С. Сиротининой, Е.А. Земской, Ш. Балли, Ю.С. Степановым, В.Г. Гаком, М.М. Бахтиным, В.Н. Комиссаровым, А.В. Федоровым, В.С. Виноградовым, Дж. Кэтфордом и др.

Научная новизна. Анализ разговорной и стилистически сниженной лексики в сопоставительном аспекте в трех языках: английском, русском и французском проводится впервые, дается им комплексный анализ; впервые проводится сопоставление переводов разноструктурных языков с целью выявления стилистической нормы. Разговорная и стилистически сниженная лексика рассматривается на фоне других стилистических регистров, а также на уровне семантических и тематических групп, на уровне фразеологического значения.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что ее выводы способствуют раскрытию механизма последовательного и системного воплощения авторского замысла в текстовом пространстве, расширяют проблематику теории перевода в плане сопоставительного анализа коммуникативно-прагматического потенциала средств различных языков, способствуют систематизации основных категорий функциональной и сопоставительной стилистики, теории перевода, необходимой для характеристики разговорной и стилистически сниженной лексики и фразеологии, получению новой информации о соотношении разговорных и книжных элементов в языке писателя.

Научно-практическая значимость результатов диссертации определяется возможностью использования материалов исследования при подготовке спецкурсов и спецсеминаров по сопоставительной стилистике, лексикологии, сопоставительной фразеологии, социалингвистике, в практике переводоведения, уточнения стилистических помет в двуязычных словарях, в практике преподавания иностранных языков.

Материал для исследования был извлечен методом сплошной выборки из оригинальных прозаических и драматургических произведений С. Мозма и нескольких вариантов их перевода на русский и французский языки. В ходе исследования были проанализированы: романы «Theatre», «The Razor's Edge», «Up at the Villa», «The Magician», «The Painted Veil», «The Narrow Corner», «The Moon and Sixpence» и другие, а также пьесы «Lady Frederick», «Penelope», «Mrs. Dot», «Jack Straw», «Smith».

Апробация диссертации. Тема данного исследования является частью плана научно-исследовательской работы кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации, на заседаниях которой обсуждались основные положения и выводы диссертации. Также данные положения были апробированы на конференциях различных уровней: Международная научно-практическая конференция «Билингвизм как явление межкультурной коммуникации: реалии и перспективы» (г. Казань, Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, 21–22 сентября 2007 г.); II Всероссийская научно-практическая конференция «В.А. Богородицкий и современные проблемы исследования и преподавания языков» (г. Казань, Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, 28–29 апреля 2009 г.); Итоговая научная конференция филологического факультета Казанского государственного университета «Русская и сопоставительная филология'2009: Исследования молодых ученых» (г. Казань, Казанский государственный университет, 2009 г.); I Международная конференция «I Ахунзяновские чтения – 2009» (г. Казань, Казанский государственный университет, 2009 г.); Международная научно-практическая конференция «Иностранные языки в образовательном пространстве современного вуза» (г. Набережные Челны, Филиал Казанского государственного университета в г. Набережные Челны, 2010 г.); Международная научная конференция «Филология и образование: современные концепции и технологии» (г. Казань, Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, 3–5 июня 2010 года); Международная научная конференция «Сопоставительная филология и полилингвизм» (г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 29 сентября – 1 октября 2010 года).

По теме диссертации опубликована статья в журнале Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, № 2 (20), 2010 г.

Цель работы и поставленные задачи определили содержание и структуру исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения. В конце работы приводится библиографический список.

Основное содержание диссертации

Во **введении** обосновываются выбор проблематики и актуальность темы диссертации, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются предмет, цель и задачи исследования, характеризуется анализируемый материал, перечисляются примененные методы и приемы, описывается структура диссертации.

Первая глава «Стилистические особенности разговорной лексики в разных языковых традициях» включает четыре параграфа и посвящена рассмотрению понятийного аппарата исследования, в ней даются определения основных категорий.

В **параграфе 1.1** рассматривается специфика формирования и развития стилей в английской, русской и французской языковых традициях. Приводятся данные о нормах литературного языка на разных стадиях его развития, об их закономерных изменениях, о борьбе различных направлений в установлении этих норм.

В данной главе оцениваются также трактовки разговорной речи у разных исследователей: И.Р. Гальперина, С.С. Беркнера, И.В. Арнольд, В.А. Хомякова, Т.А. Беляевой, А.Н. Мороховского (по английскому языку); О.Б. Сиротининой, Е.А. Земской, Ф.П. Филина (по русскому языку); Ш. Балли, Ю.С. Степанова, К.А. Долинина, В.Г. Гака, Н.К. Морен и Н.Н. Тетеревниковой (по французскому языку).

Анализ многих имеющихся работ в отечественной и зарубежной лингвистике, посвященных проблемам функционально-стилистического расслоения языка, описанию роли и места в нем разговорной речи, позволил заключить, что имеющиеся суждения на разговорную речь (или аналогичные, с некоторыми модификациями концепции) достаточно типичны и являются достаточно устоявшимися [Орлов 1981].

В литературе встречаются разные определения разговорной речи. Разговорная речь – это особая языковая система, которая имеет специфический набор языковых единиц и специфические законы их функционирования [Филин 1979]. Разговорная речь – это феномен, существующий главным образом (или исключительно) в рамках устной разновидности этноязыка [Орлов 1981]. Разговорная речь, считает Л.К. Граудина, это спонтанная литературная речь, реализуемая в неофициальных ситуациях при непосредственном участии говорящих с опорой на прагматические условия общения [Граудина 2000]. По Ш. Балли, разговорная речь – это не язык избранной части общества, а язык масс; он отражает психологию большинства, а не отдельных выдающихся личностей [Балли 1961].

Составной частью разговорной речи является разговорная лексика, состоящая из разнородных с точки зрения стилистической окрашенности элементов, характеризующаяся разной степенью сниженности.

В лингвистической литературе наряду с термином «разговорная речь» нередко употребляется термин «разговорный язык», в английской терминологии colloquial или informal speech и colloquial или informal language.

В лингвистических источниках встречается также трактовка разговорной речи как разговорного стиля языка. Термин «разговорный стиль» в литературе понимается двояко. С одной стороны, он употребляется для обозначения степени литературности речи и включается в ряд: высокий (книжный стиль) – средний (нейтральный) стиль – сниженный (разговорный) стиль. С другой стороны, этим же термином обозначается одна из функциональных разновидностей литературного языка [Розенталь 1998].

Разговорный стиль порожден устной формой речи, и специфические его особенности в значительной степени зависят именно от устной речи [Арнольд 2002].

Обзор лингвистической литературы как отечественной, так и зарубежной позволяет сделать вывод о том, что разговорная речь обладает рядом признаков общих для многих языков. Среди общих экстралингвистических признаков, обуславливающих формирование стиля разговорной речи, разные авторы называют: неофициальность и непринужденность общения; непосредственное участие говорящих в разговоре; неподготовленность речи, спонтанность, ее автоматизм; краткость, аффективность речи; преобладающую устную форму общения, и при этом обычно диалогическую (хотя возможен и устный монолог); субъективный, конкретный и эмоциональный характер разговорной речи (М.Н. Кожина, Д.Э. Розенталь, Е.А. Земская, Л.К. Граудина, Н.М.Шанский, В.Г. Гак, Ш. Балли, И.Р. Гальперин, И.В. Арнольд, Г.А. Орлов).

Собственно лингвистические характеристики разговорной речи проявляются в следующем: 1) использовании внелексических средств: интонация – фразовое и эмфатическое (эмоционально-выразительное) ударение, паузы, восклицания, темп речи, ритм и т.д.; 2) широком употреблении обиходно-бытовой лексики и фразеологии, эмоционально-экспрессивной лексики (включая частицы, междометия), разных разрядов вводных слов, повторов, а также стремление говорящего к преувеличению или смягчению в выражении мысли; 3) своеобразии синтаксиса: эллиптические и неполные предложения, различные формы компрессии и избыточности речи, слова-обращения, слова-предложения, повторы слов и т.д.; 4) опоре на внеязыковую ситуацию; 5) неточности, небрежности, «размытости» словоупотребления (Д.Э. Розенталь, М.Н. Кожина, Г.А. Орлов, Ш. Балли, Е.А. Земская).

В параграфе 1.2 рассматриваются особенности разговорной речи английского языка. Приводятся различные классификации функциональных стилей английского языка (И.Р. Гальперина, И.В. Арнольд, Т.А. Беляевой, В.А. Хомякова, Л. Соудека, А.И. Мороховского, Т.А. Соловьевой).

Так, в дифференциации разговорного вокабуляра В.А. Хомяковым упор делается на функционирование его лексических пластов в определенных социальных уровнях. За основу берется положение о двух главных «культурных» уровнях (Standard Level – Substandard Level) и двух функциональных разновидностях (Formal – Informal).

Выделяются восемь лексических пластов (literary, common, colloquial, low colloquial, slang, jargon, cant, vulgar), которые группируются как социальные варианты в три основные социальные стилистико-функциональные разновидности речи [Хомяков 1971].

В данной главе также рассматривается проблема английского просторечия, а также компоненты просторечного вокабуляра: (низкие) коллоквиализмы, сленг, жаргонизмы и вульгаризмы.

Под английским лексическим просторечием понимается определенный фрагмент словарного состава национального языка, т.е. представляющий совокупность социально детерминированных лексических систем (жаргоны, арг) и стилистически сниженных лексических пластов («низкие» коллоквиализмы, сленгизмы, вульгаризмы). Они характеризуются существенными различиями и расхождениями в основных функциях и в социолексикологическом, прагматическом, функционально-семантическом и стилистическом аспектах [Беляева, Хомяков 1986].

«Низкие» коллоквиализмы понимаются как слой обиходно-бытовой лексики и фразеологии с общей экспрессией и основной коммуникативной функцией. «Низкие» коллоквиализмы, с одной стороны, граничат с коллоквиализмами, характерными для литературного стандарта, с другой стороны, – с общими сленгизмами.

Общие сленгизмы понимаются как пласт обиходно-бытовой лексики и фразеологии с пейоративной экспрессией и основной эмотивной функцией [Хомяков 1974].

Кентизмы (арготизмы) и жаргонизмы объединяются под термином специальные сленгизмы (специальный сленг) и противопоставляются общим сленгизмам, «низким» коллоквиализмам и вульгаризмам. При этом кентизмы понимаются как пласт эзотерической лексики и фразеологии с пейоративной экспрессией и резкостью оценки, с основной функцией пароля, используемые антисоциальными и близкими к ним группами. Профессиональные жаргонизмы – это пласт профессионально ограниченной лексики и фразеологии с общей экспрессией, употребляемый в сфере производственной деятельности. Корпоративные жаргонизмы – пласт социально или профессионально ограниченной лексики и фразеологии с пейоративной экспрессией, употребляемый вне сферы производственной деятельности. Наконец, вульгаризмы – это слой обиходно-бытовой лексики и фразеологии с вульгарной (непристойной) экспрессией и основной эмотивной функцией. Они объединяют все неприличные и непристойные формы – интесификаторы, богохульства и слова-табу [Хомяков 1974].

В параграфе 1.3 рассматривается разговорная речь русского языка. В исследовании разговорной речи русского языка можно выделить следующие направления: 1) разговорная речь как особая языковая система (Е.А. Земская, Д. Э. Розенталь); 2) разговорная речь как разговорно-бытовая разновидность литературного языка (Ф.П. Филин); 3) разговорная речь как функциональный стиль (О.Б. Сиро-

тинина, М.Н. Кожина); 4) разговорная речь как источник художественной характеристики (К. Кожевникова); 5) разговорная речь как специфический объект лексикографии, требующий уточнения традиционной системы ограничительных помет (В.Г. Костомаров, П.Н. Денисов). Существуют также такие направления, как изучение разговорной речи в плане лингвистических универсалий (Ю.М. Скребнев) или общей типологии речи (А.А. Холодович), а также в связи с исследованием диалога (Т.Г. Винокур, И. Цамуталиева, В.В. Одинцов) или в диахроническом аспекте (Л.И. Баранникова).

Далее рассматриваются нормы разговорной речи, а также ее лексический состав. Достаточно подробно рассматривается роль просторечия в русском языке. Приводятся концепции Ф.П. Филина, Т.Г. Винокур, Е.Ф. Петришевой, Л.А. Введенской, С.И. Ожегова, Л.И. Балахоновой и др.

На двойственный характер просторечия указывает Ф.П. Филин. С одной стороны, просторечие – языковые средства (слова, обороты, синтаксические конструкции, грамматические формы, особенности произношения), употребляемые всеми образованными людьми для грубоватого, сниженного изображения предмета мысли (своего рода «низкий стиль» нашего времени). С другой стороны, кроме литературного, выделяется также и внелитературное просторечие, под которым понимают элементы речи лиц, не вполне овладевших литературным языком или вовсе малограмотных.

Просторечие понимается как одна из форм национального русского языка, которая не имеет собственных признаков системной организации и характеризуется набором языковых форм, нарушающих нормы литературного языка. «Такое нарушение норм носители просторечия (горожане с невысоким уровнем образованности) не осознают, они не улавливают, не понимают различия между нелитературными и литературными формами» [Введенская 2001].

В параграфе 1.4 рассматриваются характерные особенности разговорной речи французского языка. В лингвистической литературе указывается на разграничение литературно-разговорной и фамиллярно-разговорной разновидностей в разговорном стиле французского языка (Ю.С. Степанов, Н.К. Морен и Н.Н. Тетеревникова). Исследователи отмечают, что между арго и фамиллярным стилем располагается *langue populaire*, лишь приблизительно соответствующий русскому просторечию. Далее в диссертации рассматривается проблема французского арго. Считается, что арго возникает в начале XIII века. Термин «*argot*» первоначально означал только язык или, точнее, лексический репертуар деклассированных элементов. Постепенно, с появлением различных профессиональных и социальных жаргонов, объем термина расширился, под «арго» стали понимать устный язык, который состоит из более или менее произвольно выбираемых, видоизменяемых и сочетаемых элементов одного или нескольких естественных языков и применяется отдельной социальной группой с целью языкового обособления от остальной час-

ти данной языковой общности. Теряя свою профессиональную замкнутость, во второй половине XIX века арго начинает смешиваться с просторечием [Береговская 1975]. Арго также понимается как крайняя форма фамильярной речи, отличающаяся от последней лишь большей яркостью социальной окраски, а также тем, что находится в обществе под запретом [Балли 1961].

Современное французское арго представляет собой сложную систему разновидностей речи с расплывчатыми границами. Его ядром является «общее арго» – речь преступного мира, «дна» общества (*l'argot du milieu*). Оно утратило в значительной степени свой тайный характер. На рубеже XX и XXI веков французские арготологи говорят о существовании арго во множественном числе, так как данным термином обозначают различные варианты речи: язык преступного мира, групповые, социальные, возрастные, профессиональные жаргоны, и вводят понятие «арготические варианты речи» (*«les parlures argotiques»*). При характеристике речи профессиональных и возрастных групп отечественная лингвистика отдаст предпочтение термину «жаргон». Французские лингвисты констатируют возникновение так называемого «общего арго» в начале XXI века – смеси из собственно арготизмов, разговорной лексики и просторечных слов. В этом они сближаются с российскими лингвистами, которые называют «общий жаргон» (приблизительно совпадающий по своему определению с «общим арго») феноменом конца XX века [Земская 2001].

Вторая глава «Язык С. Моэма и особенности разговорной и стилистически сниженной лексики в его произведениях» состоит из двух параграфов.

В параграфе 2.1 рассматриваются особенности стиля С. Моэма в оценке литературной критики. Как британские, так и российские критики относили творчество писателя и к реализму, и к модернизму, и к натурализму. Большая же часть критиков рассматривала его произведения как реалистические, отмечая, что реализм свойственен не только художественному методу, но и стилю писателя. О С. Моэме с уважением отзывались такие взыскательные ценители, как Р. Олдингтон, М. Каули, Дж. Олдридж, Г. Грин. Среди отечественных исследователей его творчества и стиля можно выделить В. Скороденко, Г. Ионкис, Д. Шестакова, И. Левидову, И.Р. Гальперина, Н.П. Михальскую. Книги С. Моэма называют образцом ясной, выразительной и живой английской литературной речи. Язык писателя отличается простотой, включает элементы разговорной речи, и при том, что речи рассказчика присущи изящество, афористичность и ироничность, в диалогах С. Моэм активно использует расхожие выражения, клише, трюизмы.

В параграфе 2.2 рассматриваются разговорные и стилистически сниженные лексические и фразеологические единицы в произведениях С. Моэма.

Язык С. Моэма, писателя – интеллектуала, в целом, отличается высокой степенью книжности, возвышенности стиля. Но в то же время английский писатель умело использует разговорную речь, местами даже фамильярную, а именно это

сочетание разговорности и книжности придаст языку С. Мозма его специфичность и своеобразие. Разговорный характер языка С. Мозма обнаруживается в словарном составе и фразеологических средствах его произведений. Здесь обращают на себя внимание слова и выражения разговорного, фамильярного, а иногда – и грубоватого, вульгарного стиля, намеренно и сознательно противопоставляемые писателем гладкому и стандартному словарю литературного языка.

Так, в произведениях С. Мозма встречаются следующие лексические и фразеологические единицы, которые в лексикографических источниках отмечены пометой «разговорное»: *poor lamb* – бедный ягненок, *old boy* – дружище, старина, *quid* – один фунт мелкими монетами, *you brute* – грубиян, негодяй, *silly ass* – глупый осел, *old fogey* – старый хрыч, *pigsty* – свинарник, хлев, *old hag* – старая карга, *you rotten bitch* – ах ты, дрянь, *the damned fool* – чертов дурак, *you old cow* – старая корова, *vulgar little beast* – вульгарная скотина, *the dirty skunk* – паршивая дрянь, *you bloody swine* – свинья чертова, *a fat lot* – куда как много, хоть отбавляй, *to take an audience by the throat* – брать публику за горло, *to fork out* – раскошелиться, *to queer smb. 's pitch* – насолить, сделать пакость кому-л., *(get down) to brass tacks* – докопаться до сути дела, *before you could say knife* – и ахнуть не успеешь, *to roll in money* – купаться в золоте, *go to hell* – иди к черту, *as pleased as Punch* – очень доволен, рад-радешенек, *от души рад*, *(as) clever as paint* – умен как черт, *(as) like as two peas (in a pod)* – похожи как две капли воды, *one's cup of tea* – то, что нравится, *(as) different as chalk and cheese* – совершенно не похожи, ничего общего, *to lead smb. a dance* – водить кого-л. за нос, морочить кому-л. голову и др.

Как видим, лексические и фразеологические единицы принадлежат к разным тематическим полям. Среди них имеются единицы, выражающие физическое и психическое состояние человека, его настроение, действия, характер, интеллектуальные способности, а также слова и выражения, характеризующие внешность человека, его поведение, материальное положение и другие.

Лексика разговорно-сниженного стиля обнаруживается как в речи автора, так и в речи персонажей. В речи персонажей разговорно-сниженная лексика используется для их социальной и психологической характеристики, показа их эмоционального состояния, отношения субъекта к адресату, создания необходимой атмосферы повествования, определения социальной принадлежности индивида.

1) *You bloody swine, how dare you talk to me like that? It's you the ham* (Джулия Майклу, «Theatre»).

Скотина, как ты смеешь так говорить со мной? Сам ты бездарность («Театр» пер. М. Ермашевой).

Свинья чертова! Как ты смеешь так со мной говорить?! Сам ты бездарь! («Театр» пер. Г. Островской).

Espèce de brute, comment oses-tu me dire ça à moi? L'amateur, c'est toi. («La comédienne» пер. Le Rocher).

2) *«Hold your bloody tongue», she said («Up at the Villa»).*

– *Придержите ваш чертов язык*, – *фыркнула Мэри («На вилле», пер. В. Вебера).*

– *Придержи свой болтливый язык*, – *попросила она («Наверху, в вилле», пер. Р. Хуснуллиной).*

Писатель использует слова из разных пластов лексики в зависимости от тематики произведений и характеристики персонажей: из речи отдельных профессиональных групп (*a star part* – роль для ведущей актрисы, *a call-boy* – мальчик, приглашающий актеров на сцену, *a stage-hand* – рабочий сцены, *a stage-manager* – режиссер, *a publicity man* – рекламный агент, *to be out of uniform* – снять военную форму), из специальной научной и технической терминологии (*to operate* – оперировать, *to dissect* – делать вскрытия, *to put the clutch in reverse* – включить заднюю передачу, *to cultivate* – развивать, культивировать), слова из местных, территориальных говоров, в частности, диалекта кокни (*feller* вместо *fellow*, *'ave* вместо *have*, *me* вместо *my*, *'e* вместо *he, me* *'ealth* вместо *my health*, *you ain't got no future, don't it* вместо *you haven't got any future, have you*). Отдельные вкрапления из латинского и французского языков также получают определенное эстетическое задание в прозе С. Мозма. Они характеризуют либо говорящего, либо обстановку действия, либо отношение автора или повествователя к тому, о чем он рассказывает. При этом так или иначе, элементы из разных пластов языка всегда контрастируют с основной массой слов общелитературных, лишенных специфической окраски.

Элементы разговорной речи обнаруживаются не только в речи персонажей, но и в речи автора. В авторской речи произведений С. Мозма разговорно-сниженные элементы крайне редки, тогда как фразеологические единицы, а также отдельные лексические единицы с пометой «разговорное» наличествуют.

1) *She almost wished he wasn't going tomorrow so that she could have the pleasure of turning him bag and baggage («Theatre»).*

Она чуть ли не ждала, что завтра он уезжает, и она будет лишена удовольствия выгнать его («Театр» пер. М. Ермашевой).

Жаль, что он уезжает завтра сам. С каким удовольствием она выставила бы его за дверь со всеми его пожитками («Театр» пер. Г. Островской).

Elle en vint presque à regretter qu'il dût partir le lendemain, elle aurait pu s'offrir la joie de le flanquer à la porte avec ses cliques et ses claques («La comédienne» пер. Le Rocher).

2) *To tell you the truth authors don't hobnob with kings and queens as a general rule («The Razor's Edge»).*

Да потому что писатели, как правило, не водят дружбу с королями и королевами («Острые бритвы», пер. М. Лорие).

A vous parler franc, les écrivains, en général, n'ont pas l'habitude de trinquer avec les rois et les reines («Le fil de rasoir», пер. Renée L. Oungre).

Разговорная речь, как известно, находит свое прямое выражение в диалогической речи. В художественных произведениях диалогам обычно отводится значительное место. Художественный диалог (диалогическая речь в драматургическом произведении) рассматривается как особого рода текст и анализируется с точки зрения совмещения в нем одновременно признаков реальной разговорной речи и художественного произведения, построенного в соответствии со стилистическими требованиями жанра драмы, следуя принципу трехаспектного подхода к языку художественной литературы, выдвинутому Г.О. Винокуром, по мнению которого «во всяком художественном произведении язык отражен тройко – как живая речь, как литературная норма и как произведение искусства» [Винокур 1959].

Стилизация разговорной речи в репликах персонажей в прозаических и драматических произведениях С. Мозма построена на широком включении в текст точно воспроизведенных черт разговорного, просторечно-обиходного и литературно-обиходного общения. Обе стилизуемые манеры речи, как отмечает Т.Г. Винокур, в высшей степени экспрессивны, но их экспрессия создается разными языковыми средствами [Винокур 1980]. В анализируемых текстах выявлены многочисленные случаи соединения нелитературных, ненормированных элементов просторечия (*bloody fool, old hag, like a piece of cheese, to hell, the skunk, shut up, to pitch into, damned fool, what the devil, the slut, blast his eyes*) с элементами современного профессионально-обиходного словоупотребления, т.е. «нового» просторечия – в его экспрессивной функции по отношению к литературной норме.

Третья глава «Специфика разговорной и стилистически сниженной лексики в переводах произведений С. Мозма на русский язык» состоит из трех параграфов. В параграфе 3.1 рассматриваются вопросы перевода произведений художественной литературы, в частности, лексических элементов, принадлежащих к особым функционально-стилистическим слоям. Рассматриваются значимые концепции отечественных и зарубежных лингвистов Я.И. Рецкера, В.С. Виноградова, А.В. Федорова, В.Н. Комисарова, А.Д. Швейцера, С. Влахова и С. Флорина, А. Поповича, R. Wechsler и др. Как показывает материал исследования, стремление перевести все семантические оттенки слов вызывает определенные переводческие проблемы. Они возникают в связи с каждым из трех основных макрокомпонентов семантики слова, играющим немаловажную роль при переводе – денотативного, коннотативного аспектов и внутриязыкового значения.

Рассмотрим способы перевода разговорных лексических единиц на русский язык.

«*Oh, my pet, don't talk such nonsense*» («Theatre»).

«Голубчик, что за вздор!» («Театр» пер. М. Ермашевой).

«Полно, малыш, не болтай чепухи!» («Театр» пер. Г. Островской).

Как видим, оба варианта перевода на русский язык передают стилистические характеристики слова *pet*. В процессе перевода сохраняется сема «ласкательнос-

ти». Заметим, что английское *pet* содержит сему «любимый» (ср. *pet* – attr. любимый) и не содержит сему «маленький», которая появляется в русском переводе (ср. *малыш*). В другом переводе появляется сема фамильярности (ср. *голубчик*), которой нет у английского *pet*. Отметим также, что если слово *pet* часто употребляется в английской речи, то русское *голубчик* употребляется в современном русском языке достаточно редко. Кроме того, стилистическая окраска разговорности и непринужденности усиливается в русских переводах за счет употребления слов *чепуха* и *вздор* в контексте фразы, которые также сопровождаются в лексикографических источниках пометой «разговорное». Английское же слово *nonsense* (вздор, ерунда, чепуха, бессмыслица) – стилистически нейтрально.

Приведем пример стилистической нейтрализации, когда стилистический компонент оказывается не воспроизведенным в переводе.

Выражение «*Dirty, little bitch*» (досл. «грязная, маленькая сука») является примером грубо-просторечного элемента английского языка. Так, существительное *bitch* – сука, в Oxford Advanced Learner's Dictionary (далее – OALD) дается с пометой «сленг», «неодобрительное», а в англо-русских словарях (под ред. В.К. Мюллера и под ред. Е.А.М. Уилсона) с пометой «грубое». OALD определяет существительное *bitch* как «an offensive way of referring to a woman especially an unpleasant one» (оскорбительное обращение к женщине, особенно неприятной). Резко отрицательный оттенок данного обращения усиливается за счет контекстуального окружения (оттенок оскорбления).

В первом случае словосочетание оригинала переведено так: «Гадкая ты девчонка» (пер. М. Ермашевой). Существительное *девчонка*, т.е. ребенок или подросток женского пола имеет помету «разговорное» (БТС РЯ). При переводе сохранена сема «гадкий», сема «маленький» реализована посредством существительного «девчонка». Этот вариант перевода является менее стилистически сниженным, чем предложение оригинала.

Во втором случае представлен перевод «Маленькая чертовка» (пер. Г. Островской). В БТС РЯ лексема *чертовка* выделена пометой «народно-разговорное», это слово употребляется для негативной характеристики кого-либо. В данном переводе также сохранена сема «маленький», а употребление народно-разговорного слова *чертовка* создает достаточно яркий образ, привычный и знакомый русскому читателю. Хотя сема «гадкий» явно не выражена, можно предположить, что переводчик частично перенес это значение на отрицательный образ, который ассоциируется у русского читателя со словом «черт», а, следовательно, и его производным «чертовка».

Рассмотрим следующий пример использования вульгарной лексики: «*You devil, you swine, you filthy low-down cad*». Это предложение употребляется главной героиней романа «Театр» Джулией Ламберт в порыве гнева. На русский язык оно переведено следующим образом: «Дьявол! Свиныя! Бесчестный вы, мерзкий чело-

век» (перевод М. Ермашевой) и «*Дьявол, свинья, грязная, подлая скотина!*» (перевод Г. Островской).

Проанализируем составные компоненты этого предложения. Существительное *devil* – дьявол, черт, бес (APC под ред. В.К. Мюллера), «*a person who behaves badly, especially a child*» (OALD) – человек, который плохо себя ведет, в особенности ребенок. В русском языке слово *дьявол* используется, когда речь идет о злом коварном человеке (БТС РЯ). И в английском, и в русском языках указанное слово относится к разговорному стилю, причем в русском языке оно является разговорно-сниженным в большей степени.

Существительное *swine* (досл. *свинья, нахал*) – *an unpleasant person*, т.е. неприятный человек (OALD). В русском языке это существительное употребляется по отношению к человеку, поступающему низко, подло, грубо (БТС РЯ). Стилистические характеристики английской лексемы и ее русского эквивалента совпадают, оба слова являются разговорными.

Следующее существительное «*cad*» – *невоспитанный, подлый человек, хам*. В OALD данное слово имеет помету «*old-fashioned*» (устаревшее), «*a man who behaves in a dishonest or unfair way*» (человек, который поступает бесчестно или несправедливо). В переводе М. Ермашевой представлен дословный перевод «*Бесчестный вы, мерзкий человек*». В переводе Г. Островской находим: «*Грязная, подлая скотина!*».

Существительное «*скотина*» несет в себе оттенок презрения, является бранным (БТС РЯ). Этот вариант является более стилистически сниженным, чем английское «*cad*». Кроме того, если английское слово «*cad*» характеризует человека, то в слове «*скотина*» ведущей является сема «животное».

Отметим также, что английские прилагательные «*filthy*» (грязный, мерзкий, отвратительный) и «*low-down*» (низкий, бесчестный) в процессе перевода отражены адекватно. Причем английское «*low-down*» принадлежит разговорному стилю, его же русский эквивалент «*подлый*» является стилистически нейтральным.

В целом, вариант перевода, предложенный Г. Островской, на наш взгляд, является более удачным. Он ярче передает смысл предложения оригинала, является более эмоциональным и экспрессивным, чем вариант перевода, предложенный М. Ермашевой. Отметим также, что интерпретация М. Ермашевой, хотя и содержит слова разговорного стилистического тона, тем не менее употребление местоимения «*вы*» делает его более нормативным (литературным), в то время как второй перевод является в большей степени стилистически сниженным.

Стилистически предложение оригинала представляет собой разновидность повтора – анафору (повторение местоимения «*you*» перед каждым определением). В переводе этот стилистический прием не воспроизведен ни одним из переводчиков, что несколько снижает эмоциональный эффект от всего высказывания.

Параграф 3.2 посвящен переводу фразеологических единиц, используемых в произведениях С. Моэма. Проблемы сопоставительной фразеологии привлекают внимание многих лингвистов и нашли свое отражение в трудах таких ученых, как Н.Н. Амосова (1963), Е.Ф. Арсентьева (2006), В.Л. Архангельский (1964), А.М. Бабкин (1970), Л.К. Байрамова (1982), В.В. Виноградов (1947), З.З. Гатиатулина (1979), В.П. Жуков (1986), А.В. Кунин (1972), В.М. Мокиенко (1990), А.И. Молотков (1977), А.Г. Назарян (1974), Р.Н. Попов (1976), Л.И. Ройзензон (1973), А.И. Смирницкий (1954), В.Н. Телия (1996), И.И. Чернышева (1970), Н.М. Шанский (1985), Д.Н. Шмелев (1970), Р.А. Юсупов (2009), А.Р. Cowie (2001), A.Naciscione (2001) и др.

Следуя классификации Е.Ф. Арсентьевой, мы выделяем следующие типы межъязыковых отношений:

1. Фразеологические эквиваленты (полные и частичные).
2. Фразеологические аналоги (полные и частичные).
3. Безэквивалентные фразеологические единицы.

Под фразеологической единицей (далее – ФЕ) в настоящей диссертации понимается устойчивое сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным значением.

Полные эквиваленты имеют одинаковые сигнификативно-денотативное значение, субъективно-оценочную коннотацию, функционально-стилистическую и эмоционально-экспрессивную коннотацию, структурно-грамматическую организацию и компонентный состав. Использование при переводе полных эквивалентов ФЕ позволяет добиться максимально адекватного перевода.

Примерами полных эквивалентов могут служить следующие ФЕ из произведений С. Моэма и текстов их переводов: *as poor as a church mouse* – беден как церковная мышь, *to hold one's head high* – высоко держать голову. Так, ФЕ *to hold one's head high* равнозначна ФЕ перевода *высоко держать голову*. Оба фразеологизма относятся к межстилевым единицам, построены на одинаковом образе (совпадает эмоционально-экспрессивная коннотация), одинаков их компонентный состав.

К частичным эквивалентам относятся семантические эквиваленты ФЕ сопоставляемых языков, имеющие некоторые различия в плане выражения. Эти различия могут затрагивать как их структурно-грамматическую организацию или лексемный состав, так и оба указанных уровня.

Так, следующие ФЕ в тексте перевода отличаются от ФЕ оригинала только одним компонентом смежной семантики при тождестве значения, коннотации, структурно-грамматической организации: *to roll in money* – купаться в золоте, *as thin as a rail* – худой как щетка, *skin and bone* (нейтр.) – кожа да кости (разг.)

Как показывает языковой материал, случаев использования эквивалентов (как полных, так и частичных) относительно немного. Группа частичных эквивалентов является более многочисленной по сравнению с группой полных эквивалентов.

Наиболее широко в нашем материале представлены фразеологические аналогии, т.е. ФЕ, выражающие одинаковое или близкое значение, но характеризующиеся полным различием или приблизительным сходством внутренней формы.

По степени совпадения или различия межъязыковых фразеологических аналогов выделяются полные и частичные аналогии. Среди полных аналогов выделяются несколько подтипов.

1. Фразеологические аналогии с приблизительным сходством структурно-грамматической организации и одной одинаковой лексемой в компонентном составе: *to rise with the lark* (нейтр.) – *вставать с петухами* (разг.) – *вставать чуть свет* (разг.).

2. Самой многочисленной среди аналогов является группа ФЕ с приблизительным сходством структурно-грамматической организации и разным компонентным составом: *a little bird told me – сорока на хвосте принесла*; *‘I’d just laugh my head off* – «Я умерла бы со смеху» – «Я бы смеялась до упаду».

3. Третью группу аналогов составляют ФЕ с разной структурно-грамматической организацией и разным компонентным составом: *to do one’s damndest – из кожи вон лезть*, *to scare sb. out of his wits – до смерти напуган*.

В следующем примере при переводе на русский язык использован частичный фразеологический аналог для адекватного перевода ФЕ *as dead as the dodo* (разг. утративший силу, отживший свой век [АРФС под ред. А.В. Кунина]).

«Take my word for it, my dear fellow, English society is *dead as the dodo*» («The Razor’s Edge»).

«Нет, милейший, на английском обществе пора *поставить крест*» («Острые бритвы», пер. М. Лорне).

ФЕ *as dead as the dodo* и *поставить крест* (разг. экспресс. признавать что-л. несостоятельным, пропавшим, бесперспективным [ФСРЛЯ под ред. А.В. Федорова]) являются фразеологическими аналогами с разной структурно-грамматической организацией и разным компонентным составом. Анализируемые ФЕ английского и русского языков имеют одинаковую функционально-стилистическую коннотацию (разговорные ФЕ).

Примечательно, что идея утратившего силу, устаревшего выражена в английской ФЕ с использованием зооморфизма. Так, *dodo* – дронт (вымершая птица). Русская ФЕ *поставить крест* происходит из речи чиновников, которые перечеркивали в бумагах ненужное наклонным крестом [Бирих, Мокиенко 2007].

Безэквивалентными фразеологизмами считаются ФЕ, не имеющие соответствий во фразеологической системе другого языка. При переводе таких фразеологизмов с одного языка на другой используются следующие способы: калькирование, дескриптивный (описательный) перевод, лексический перевод.

«Darling you’ll make me *as vain as a peacock*» («Theatre»).

«Любимая, я стану *тщеславен, как павлин*» («Театр», пер. Г.Островской).

В данном случае переводчик использует прием калькирования, который, по утверждению В.Н. Комиссарова, наиболее эффективно применим для передачи образных ФЕ, особенно если образная основа актуализируется, обыгрывается в контексте [Комиссаров 1990].

Описательный перевод сводится, как известно, не к переводу фразеологизма, а к его толкованию. Это могут быть объяснения, описания, сравнения, в целом, все средства, передающие в максимально ясной и сжатой форме содержание ФЕ все с тем же стремлением к метафоричности, даже частичной передаче экспрессии, коннотации, стилистической окраски.

Рассмотрим следующий пример: «*A fat lot I care*» («Театр»). Субстантивная ФЕ «*a fat lot*» (досл. «жирная масса») в АРФС под ред. А.В. Кунина имеет значения: *куда как много, хоть отбавляй*. Данная ФЕ отмечена как разговорно-ироничная. OALD также относит ФЕ к неформальному стилю и определяет как «*a fat lot of good, use, etc. – not at all good or useful*» (*много хорошего, полезного, т.е. вовсе не хорошего или полезного*).

В русском вторичном тексте представлен следующий вариант перевода: «*А мне наплевать*» (пер. М. Ермашевой). Глагол *наплевать на кого-л., что-л.* относится к разговорно-сниженному слою лексики и означает «отнестись к кому-л., чему-л. с пренебрежением, проявить презрительное безразличие к кому-л., чему-л.» (БТС РЯ).

В более позднем переводе романа «Театр» находим: «*Не моя печаль!*» (пер. Г. Островской). Существительное *печаль* имеет помету «разговорное» и следующие значения: «забота, беспокойство и то, что их вызывает», например, не твоя (моя, его и т.п.) печаль (БТС РЯ).

Из двух вариантов перевода первый нам представляется более удачным. Он обладает экспрессией и несет яркую эмоциональную окраску, а также точнее передает значение английской ФЕ. На стилистическом уровне «*А мне наплевать*» находится на более низкой ступени, нежели «*Не моя печаль*» и «*A fat lot I care*». Кроме того, на наш взгляд, русское «*А мне наплевать*» лучше раскрывает характер главной героини, которая, по определению самого С. Мозма, могла быть в отдельные моменты грубой и вульгарной. Выражение «*Не моя печаль*» имеет более романтический и даже возвышенный оттенок.

Аналогичную группу составляют следующие соответствия:

1) «*Bricks without straw; that's what we actors are expected to make nowadays*» («Theatre»).

«*От нас ожидают, что мы построим здание, но где кирпичи*» («Театр», пер. Г. Островской).

2) «*If I play my cards well...*» («Theatre»).

«*Если я хорошо использую обстоятельства...*» («Театр», пер. Г. Островской).

3) «*Now let's come down to brass tacks*» («Theatre»).

«Перехожу от сути к делу» («Театр», пер. Г. Островской).

4) «*I didn't much like the thought of that and not being a person to beat about the bush I asked outright*» («The Razor's Edge»).

«Мысль была не из приятных, и, поскольку я не люблю обиняков, я прямо спросил его» («Острые бритвы», пер. М. Лорие).

Лексический способ перевода, как отмечается в литературе, используется при переводе ФЕ языка-источника, имеющих семантическое соответствие в языке-рецепторе в виде отдельной лексемы (монологемы) или набора отдельных лексем [Арсентьева 2006]. Фразеологическое значение, как правило, всегда шире и многограннее значения одного слова, поэтому лексический перевод неизбежно ведет к потерям, наиболее часто к утрате коннотативных компонентов семантики фразеологизма, что можно проследить на следующих примерах.

«*It's a hundred to one it wasn't Walter*» («The Painted Veil»). (*a hundred to one* – разг. сто против одного, маловероятно [АРФС под ред. А.В. Кунина]).

«Ручаюсь, что это был не Уолтер» («Узорный покров», пер. М. Лорие).

В диссертации выявляются случаи, когда значение фразеологизма оказалось не вполне удачно переданным средствами русского языка.

... he was one of those chivalrous idiots that a woman could *turn round her little finger* («Theatre»). [*to turn sb. round one's little finger* – помыкать кем-л., веревки вить из кого-л., заставить кого-л. плясать под свою дудку (не смешивать с русск. «обвести вокруг пальца»), АРФС под ред. А.В. Кунина].

... он один из тех великодушных галантных идиотов, которых женщины запросто *обводят вокруг пальца* [*обвести вокруг пальца* – разг. экспресс. хитро обманывать (ФСРЛЯ под ред. А.И. Федорова)].

Возможно, в этом случае переводчик считает, что он идет путем калькирования, однако значение русской ФЕ «*обвести вокруг пальца*» не соответствует значению ФЕ оригинала, происходит смешение понятий. Контекстное окружение ФЕ также подсказывает, что перевод с использованием ФЕ «*веревки вить из кого-л.*» был бы более адекватным.

Далее в диссертации в параграфе 3.3 нами были рассмотрены опущения и амплификации (добавления), а также прием экспрессивной конкретизации (т.е. замены английского стилистически нейтрального слова или выражения русским эмоционально окрашенным или фразеологизмом) в переводах произведений С. Моэма на русский язык.

1) «*I've known him a good many years, you know. He gets a lot of fun out of talking about other people's business*» («The Razor's Edge»).

– Не забудьте, мы с ним давно знакомы. Его хлебом не корми, дай только посудачить о чужих делах («Острые бритвы», пер. М. Лорие).

2) *No one seemed to know anything about him. He just vanished* («The Razor's Edge»).

И никто о нем ничего не знал. Он как в воду канул («Острые бритвы», пер. М. Лорие).

В приведенных выше примерах в предложениях русского языка появляются ФЕ, в то время как в английских предложениях они отсутствуют.

Четвертая глава «Специфика разговорной и стилистически сниженной лексики в переводах произведений С. Мозма на французский язык» состоит из двух параграфов. В **параграфе 4.1** рассматриваются особенности перевода лексических единиц, в **параграфе 4.2** – перевод фразеологических единиц на французский язык.

Приведем несколько примеров использования разговорной лексики в романе С. Мозма «Театр» и его перевода на французский язык.

Ass (неформ. осел) – gapache (разг. хрыч), skunk (разг. подлец) – mufle (разг. грубиян), fools (неформ. дураки) – toqués (разг. чудаки), wreck (неформ. развалина) – bobine (разг. рожа), rip-squeak (сленг, неформ. что-л. незначительное, презренное) – freluquet (разг. невзрачный человек), idiot (неформ. идиот) – crétin (разг. кретин, идиот), bitch (груб. сука) – garce (груб. дрянь), bitch (груб. сука) – catin (уст., груб. шлюха).

Анализируя вышеприведенные примеры, можно сделать вывод, что французский перевод является в меньшей степени стилистически сниженным, чем оригинал, он тяготеет к литературной норме; хотя стилистическая маркированность в процессе перевода в целом сохранена.

Рассмотрим перевод следующего предложения на французский язык: «*Little brute*» (досл. «Маленькое животное, скотина»). В англо-русском словаре под ред. В.К. Мюллера существительное *brute* имеет следующие значения: 1) животное; 2) жестокий, грубый или глупый и тупой человек; «скотина». В OALD данное слово выделено пометой «*sometimes humorous*» (иногда юмористическое) и представлено в следующих значениях: 1. A man who treats people in an unkind, cruel way (человек, который обращается с другими людьми злобно, жестоко); 2. A large strong animal (большое сильное животное).

На французский язык перевод осуществлен следующим образом: «*La petite vipère!*» (досл. «Маленькая гадюка!»). Так, в Новом французско-русском словаре (далее – НФРС) представлены прямое и переносное значения существительного *la vipère* – гадюка. Отметим, что *la vipère* (гадюка) – это гипоним к слову *brute* (животное). Примечательно, что *la vipère* (гадюка) во французском вторичном тексте обращено к мужчине, в то время как, например, в русском языке так обращаются к женщине. Отметим также, что сема «маленький» во французском переводе сохранена. Несмотря на то, что анализируемые лексические единицы в словарной статье не отмечены функционально-стилистическими пометами, будучи употреб-

ленными при обращении к человеку, они носят разговорный, даже несколько сниженный оттенок.

«*Vulgar little beast*» (досл. «Вульгарная маленькая скотина»). Так, в APC под ред. В.К. Мюллера существительное *beast* представлено в значениях: *зверь, животное, скотина*. OALD дает следующую дефиницию названному слову: 1. a person who is cruel and whose behaviour is uncontrolled (жестокий человек, чье поведение неконтролируемо). 2. (*informal*) an unpleasant person or thing ((неформальное) неприятный человек или вещь).

Во французском переводе находим следующий вариант: «*Le petit voyou!*» (досл. «Маленький проходимец, повеса»). Субстантивная единица *le voyou* имеет значения: 1. Проходимец, хулиган; 2. Повеса [см. НФРС]. Стилистическими пометами данное слово не выделено. Отметим, что французское прилагательное *petit* помимо своего основного значения *маленький* служит усилителем бранных слов. Поэтому реплика в целом приобретает стилистически сниженную коннотацию, хотя лексемы, ее образующие, и не имеют специальных помет в словаре. Прилагательное *vulgar* (вульгарный), которое придает фразе также сниженную окраску, на французский язык не переведено. Кроме того, о стилистическом несовпадении в оригинале и его переводе, может свидетельствовать то, что существительное *beast* характеризует животного, а *le voyou* – человека. Таким образом, французский перевод оказывается в большей степени приближенным к литературной норме, чем предложение английского текста.

Обратимся к переводу фразеологических единиц на французский язык. Приведем несколько примеров перевода ФЕ фразеологическим способом.

- 1) *to roll in money* – *rouler sur l'or* – купаться в золоте;
- 2) *not to care a hang* (совершенно не интересоваться, наплевать) – *je m'en fiche (pas mal)* (разг. мне наплевать);
- 3) *to have one's eyes open* (смотреть в оба, держать ухо востро) – *ouvrir l'oeil* (быть внимательным, смотреть в оба);
- 4) *to queer smb.'s pitch* (разг. насолить, сделать пакость кому-л.) – *couper l'herbe sous le pied* (перебежать дорогу кому-л.);
- 5) *to knock smb. all of a heap* (разг. поразить кого-л., ошеломить, огорошить) – *taper dans l'oeil de qn.* (разг. приглянуться кому-л.);
- 6) *to cry over spilt milk* (слезами горю не поможешь) – *ça ne change rien à rien* (разг. это ничего не меняет).

Как показывает материал, перевод одной лексемой (лексический перевод) превалирует над остальными способами нефразеологического перевода. Нефразеологическим способом переведены следующие ФЕ:

- 1) *A fat lot* (разг. ирон. куда как много, хоть отбавляй) – *rien* (ничего);
- 2) *to play one's cards well* (хорошо сыграть, использовать все возможности, умело вести свои дела) – *manoeuvrer* (маневрировать, действовать, работать);

3) *to make a dead set at smb.* (завлекать кого-л., бегать за кем-л., ловить жениха) – *aguicher* (заманивать, завлекать кокетством, разжигать);

4) *twist smb. round one's little finger* (неформ. веревки вить из кого-л., заставить кого-л. плясать под свою дудку) – *enjoler* (разг. обольщать, завлекать, кружить голову);

5) *grin and bear it* (разг. улыбаться и терпеть, мужественно переносить страдания) – *encaisser avec le sourire* (разг. терпеть, сносить с улыбкой);

6) *a smack in the eye* (разг. пощечина, удар, горькое разочарование) – *le camouflet* (разг. афронт, оскорбление).

В целом, в переводах произведений С. Мозма на французский язык были использованы такие приемы трансформаций, как гипо-гиперонимический перевод (*brute* (животное, скотина) – *la vipère* (гадюка)), антонимический перевод (*Oh Lord!* (О Боже!)) – *Zut!* (Черт!)) и др. В переводе фразеологических единиц отмечаются как фразеологические, так и нефразеологические способы перевода. Несмотря на наличие во французском языке соответствующих фразеологических эквивалентов и аналогов, предпочтение отдается переводу нефразеологическим способам перевода, в частности, лексическому способу перевода ФЕ. Французские переводы оказываются стилистически несколько возвышеннее, чем текст оригинала, что связано с классицистическими тенденциями развития французского языка.

Анализ языка произведений С. Мозма позволил выявить, что в прозаических и драматургических текстах встречаются лексические и фразеологические элементы различной стилистической окраски. Сравнение английских источников с русским и французским переводами показало, что отклонения от литературной нормы, как правило, находят свое отражение в переводе. Отклонения от литературной нормы социального типа (просторечие, вульгаризмы) передаются обычно средствами сниженного стиля. При переводе диалектизмов также используются разговорно-сниженные элементы переводного языка. Так, при грамматических и фонетических отклонениях от литературной нормы в переводах на русский язык используется прием компенсации на лексическом и фразеологическом уровнях. Во французских переводах для адекватной передачи диалекта «кокни» используется перевод с помощью фразеологических единиц, в частности, перевод с помощью фразеологических аналогов.

В переводах произведений С. Мозма на русский и французский языки отразились лингвокультурологические особенности исследуемых языков. Частотность одних и тех же слов в английском оригинале и в русском и французском переводах не совпадает. Как в русском, так и во французском переводах выявлено преобладание переводных аналогов (по сравнению с эквивалентами). Кроме того, в силу специфичности исследуемого материала, а именно наличия значительного количества разговорных и разговорно-сниженных элементов, которые характеризуются высокой степенью эмоциональности и экспрессивности, использование переводных аналогов обеспечивает адекватность перевода.

Как известно, в семантике разговорно-сниженной, бранной лексики часто являются различные случаи использования зооморфизма (наделение чертами животных реальных или воображаемых объектов). При переводе образность таких единиц сохраняется не всегда. В частности, в русских переводах нами зафиксированы примеры сниженной лексики, где слово оригинала, обозначающее животное, переведено посредством слова, обозначающего человека.

При переводе фразеологических единиц переводчики для наиболее адекватной передачи смысла высказывания используют как фразеологические, так и нефразеологические способы перевода ФЕ, при этом они стремятся, как правило, сохранить функционально-стилистические коннотации. Материал позволяет заключить, что в переводах на французский язык часто используются нефразеологические способы перевода, в частности, лексический перевод, в результате чего происходят определенные как семантические, так и стилистические потери. В переводах на русский язык чаще используется фразеологический способ перевода. В нашем материале наиболее широко представлены фразеологические аналоги, т.е. ФЕ, выражающие одинаковое или близкое значение, но характеризующиеся полным различием или приблизительным сходством внутренней формы. Нами также были отмечены отдельные случаи, когда значение ФЕ в переводе оказалось передано не вполне удачно, в результате чего произошло смешение понятий.

В результате анализа выявлены причины, препятствующие адекватному переводу, особое внимание при этом уделяется переводческим трансформациям (опущение, амплификация, компенсация). Так, одним из распространенных способов компенсации является употребление русских фразеологизмов в тексте перевода в случаях, когда в оригинале они отсутствуют. Такой прием придает тексту образность и живость.

Что касается, передачи такого важного измерения вариативности речи, как ситуативного, то следует подчеркнуть, что в основе ситуативной дифференциации лежит понятие социальной речи. Так, многомерность и многозначность оппозиции русских личных местоимений *ты* и *вы* не дает возможности сформулировать жесткие правила их передачи при переводе на язык, где подобная оппозиция отсутствует, например, на английский. Трудности также возникают и при переводе английского текста на русский язык. Так, анализ переводов романа «Театр» на русский язык, выполненных двумя разными переводчиками, показал, что местоимения, служащие индикаторами ролевых отношений, переведены по-разному. Если в романе «Театр», переведенном Г. Островской, употребляется местоимение *ты*, то второй переводчик М. Ермашева часто использует местоимение *вы* при описании отношений, для которых характерен дружеский тон. Такое переводческое решение придает всему тексту некоторую официальность, определенную книжную, возвышенную окраску. Характеризуя два перевода романа «Театр» на русский язык, можно сказать, что, хотя переводчики и допускают отклонения от ли-

тературной нормы, в целом, перевод М. Ермашевой в большей степени тяготеет к книжному, возвышенному стилю, чем перевод Г. Островской.

Аналогичная тенденция усиления стилистической возвышенности текста перевода характерна и для французского перевода романа «Театр». Употребление во вторичном тексте вежливого *vous* также придает тексту официальный тон, тем самым приближает текст к литературной норме.

Русские переводчики, на наш взгляд, дают более близкие к оригиналу переводы. Авторы французских переводов, наряду со стремлением к дословности и большей адекватности, в то же время допускают в ряде случаев большее отступление от английского текста в сторону художественности перевода и близости литературной нормы французского языка, повышают нормированность перевода.

Для переводов произведений С. Моэма на русский язык характерны такие стилистические модификации, как замена лексем с разговорной функционально-стилистической окраской нейтральными и даже книжно-письменными словами. Можно отметить также, что грубо-просторечные лексемы (вульгаризмы) хотя и переведены соответствующими сниженными элементами, тем не менее, эти переводные эквиваленты в стилистическом отношении оказываются более высокими, чем единицы оригинального текста. Это связано, очевидно, со сложившейся несколько пуристической традицией в отечественной (советской) практике перевода.

Итак, сопоставление нескольких вариантов перевода одного и того же произведения позволило выяснить, как преодолеваются типичные трудности перевода, связанные со спецификой каждого из языков, и обнаружить лакунарные элементы. Так, на лексическом уровне лакунарные элементы обнаруживают себя в компонентах семантики слов, которые не всегда воспроизведены в переводе. Безэквивалентные фразеологические единицы переводятся нефразеологическими способами перевода (калькирование, описательный перевод, лексический перевод).

Сопоставительный анализ переводов позволил выявить лингвокультурологические особенности языков, а также определить, что характер действий переводчика в значительной мере определяется нормами языка перевода и индивидуальными предпочтениями.

В заключении суммируются основные положения работы, обобщаются полученные результаты и подводятся итоги проведенного исследования; в целом, анализ переводов произведений С. Моэма на русский и французский языки показал, что переводчики стремятся приблизить стиль перевода к литературной норме переводящего языка (в частности, французские переводчики украшают стиль перевода, несколько приподнимая его).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:
в периодических изданиях, включенных в перечень ВАК:

1. Хафизова А.А. Фразеологические единицы и их перевод (русские – английские – французские параллели) / А.А. Хафизова // Вестник Татарского государ-

ственного гуманитарно-педагогического университета. – Казань, 2010. – № 2 (20). – С. 122–126.

в других изданиях:

2. *Хафизова А.А.* Специфика перевода разговорной лексики англоязычных писателей на русский и французский языки: сравнительный аспект / А.А. Хафизова // Сопоставительная филология и полилингвизм: Материалы Международной научной конференции (Казань, 29 сентября – 1 октября 2010 г.). – Казань: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2010. – С. 90–92.

3. *Хафизова А.А.* Теория перевода и практика преподавания иностранных языков (на материале художественных текстов) / А.А. Хафизова // Филология и образование: современные концепции и технологии: Материалы Международной научной конференции (3–5 июня 2010 года): Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. – С. 458–460.

4. *Хафизова А.А.* К проблеме переводимости художественного текста на французский язык (на материале произведений С. Мозма) / А.А. Хафизова // Иностранные языки в образовательном пространстве современного вуза: Сборник материалов международной научно-практической конференции. – Наб. Челны: Лаб. операт. полиграфии, 2010. – С. 102–106.

5. *Хафизова А.А.* К проблеме адекватности перевода некоторых лексических и фразеологических единиц в прозе С. Мозма на французский язык / А.А. Хафизова // I Ахунзяновские чтения 2009, Сборник научных и научно-методических статей, I Международной конференции / научн. ред. – проф. Э.Х. Хабибуллина. – Казань: Изд-во Казан. ун-та. – С. 308–314.

6. *Хафизова А.А.* Книжная и стилистически сниженная лексика в языке С. Мозма (сопоставление с переводами на русский и французский языки) / А.А. Хафизова // Русская и сопоставительная филология'2009: Исследования молодых ученых / Казан. гос. ун-т, филол. фак. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2009. – С. 73–76.

7. *Хафизова А.А.* Стилистические особенности фразеологизмов в романе С. Мозма «Театр» / А.А. Хафизова // Богородицкий В.А. и современные проблемы исследования и преподавания языков: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. – Казань: Школа, 2009. – С. 219–223.

8. *Хафизова А.А.* Некоторые особенности перевода произведений С. Мозма на русский язык: Фразеологизированные выражения и устойчивые сочетания / А.А. Хафизова // Билингвизм как явление межкультурной коммуникации: реалии и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, Казань, 21 – 22 сент. 2007 г. – Казань: Алма Лит, 2007. – С. 174–177.

Сдано в набор 20.01.2011. Подписано к печати 21.01.2011.

Формат 60х84 ^{1/16}. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс». Печать ризографическая.

Усл. печ. л. 1,563. Тираж 100 экз. Заказ К-7.

Редакционно-издательский центр.

420111, Казань, Дзержинского, 3. Тел. 292-24-76.

Отпечатано на множительном участке центра.

